

Автор:

Толстик Александр Евгеньевич

обучающийся 9 класса (15 лет)

Руководитель:

Толстик Светлана Александровна

педагог-психолог старшего звена

МБОУ «Лицей №6 г. Горно-Алтайска»

Республика Алтай, г. Горно-Алтайск

ВОСПОМИНАНИЯ О ТОЙ СТРАШНОЙ ВОЙНЕ...

В моей семье есть люди, которые всеми силами помогали воинам одержать победу в той страшной войне.

10 февраля 2008года со слезами на глазах и комком в горле, вспоминали мои прабабушки о тех годах своей жизни – годах страха, ужаса, голода и смерти. Свой рассказ они вели по очереди, не перебивая друг друга, вытирали слёзы, и видно было, как они заново переживают те годы, помнят все подробности до мелочей. Глядя на них, я подумал: «Не бывает в годы войны мелочей!»

Фото1. 1950 год – сестры: стоит – Попова А.Л., сидит слева старшая сестра Бочкарева Ф.Л., сидит справа Бочкарева М.Л.

Бочкарёва Февронья Львовна 1914 года рождения, труженица тыла.

Попова Анна Львовна 1922 года рождения, труженица тыла (записан год рождения 1924, чтобы в армию шли молодые парни взрослее всем детям в семье приписывали годы при регистрации).

Бочкарёва Мария Львовна 1927 года рождения, труженица тыла.

Жили они в Усть-Коксинском районе в селе Верх - Уймон.

Фото 2. 8 апреля 1942 год – Одноклассницы Поповой А.Л. Шестиклассницы. Сама она стоит третья слева.

Такими они были юными и в тоже время сильными в годы войны.

Первой свой рассказ начала Попова Анна Львовна:

«Мы делали то, что нам придут и скажут. Никто неперечил. Мы должны были сделать на работе всё, а придя домой – напясть шерсть, связать двухпальцевые варежки, носки или безрукавку или что-то сшить. Сказали построить где-то что-то, идём и строим для скота колхозного.

Кормили скот. В казанах - нагревали воду, укладывали ветки березы, рубили палки, распаривали их, мелко рубили и давали скоту. А весной должны были поднимать скот. Для этого ходили по дворам и просили веники березовые у стариков, которые также распаривали и мелко рубили.

Все работали день и ночь. Некогда не было спать. Только ляжешь спать, уже бригадир идет, кричит: «Поднимайтесь. На работу пора. Надо работать».

Соскакиваешь и бежишь, как «угорелый» на работу. Разговаривать между собой, не было времени. Идёшь, и делаешь что сказали».

Бочкарёва Мария Львовна рассказала:

«Мы с сёстрами – Анной и Февроньей работали в заготскоте (1941 год). Нас молодых и две женщины отправили на заготовку сена в лог Черная речка. А кормили нас чем? Затиркой! Намешают муку с водой, и ешь, как хочешь, а другого нет. Выбор небольшой. В то время в районе была банда, она состояла из тех, кто бежал из армии. Во главе стояли – Казанцев и Атаманов. Нас не обижали, а ночью воровали у нас хлеб, косы, казаны, ложки. Жили они в Пещере».

Бочкарёва Мария Львовна:

«Осенью 1942 года нас отправили со скотом в г. Бийск. Идём, день гоним скот, а ночью его караулим. Дождь, ветер, солнце, снег – в любую погоду гоним – от скота не уйдешь. Пришли в г. Бийск. Вначале гнали по бору, а там строители накопали ям (окопы) и закрыли их. Наши овцы упали в них. Мы ищем овец по их крику и вытаскиваем. Пришли сдавать скот, а у нас не хватает трёх овец. Мысль – тюрьма. Что делать? Нас отправили на 53 отделение сдавать скот – это за г. Бийском. Пришли на место смотрим за забором, кто-то пригнал так же как мы скот. Ночью перелезли через забор и перекинули овец. Поставили им бирки, при этом затёрли хорошенько уши, чтобы не было видно свежие проколы. Стыдно и страшно. Молодые ещё.

Домой возвращались пешком пять дней. Дали нам командировочные – на них мы получали хлеб. Пришли к берегу, мост разведенный (24-25 ноября) а катер ушёл, нас не успели переправить. Старик-смотритель предложил нам остаться переночевать и сказал: «Хлеб убирайте, прячьте, а то съедят крысы». Я завернула булку в кофту и под голову. Сплю, ничего не слышу, а наутро обнаружила, что всю булку съели крысы, оставили небольшой кусочек. Шли в любую погоду, это был ноябрь месяц.

До Усть-Коксы шли пять дней. По пути просились ночевать в дома, старались проситься пораньше, так как поздно никто не пускал. Заберёшься на печку, греешься. Ноги все в крови и усталые, попросишь водички у хозяев, обмоешь, вытрешь. Всяко-разно было».

Попова Анна Львовна:

«Только начинается покос, говорят, Бочкарёва (Попова-то я по мужу) иди на лобогрейку, крепкая была и вопросов не задавала. На ней надо работать мужчине, сила нужна. Надо успевать лошадьми руководить и сбрасывать сено. Машина же, она сжимает траву, а ты сгребашь. И тут надо руководить и тут надо успевать. Там поработала, иди на жатву. Выбирали кто посильнее. Тяжело было, сейчас такого нет. Детства не знали совсем».

Бочкарёва Мария Львовна:

«Судили меня (плачет). Март 1942 года. Да ещё как судили. Старшую сестру - Февронью Львовну осудили, посадили на три года в тюрьму, за то, что при перегоне скота потерялись несколько овец. На следующий день не с кем было оставлять её ребенка, которому всего 1 месяц (**это моя бабушка – Лидия Петровна**). Заболела моя мама, и я не вышла в этот день на работу. Хотели шесть месяцев тюрьмы дать, так как ребёнок был причиной моего невыхода, а не лень, решили не садить. День работала в сельпо, а ночью ездила в колхоз работать – то скирдовать, то молотить. Всё было. Нам досталось.

Ребёнок «мало-малешка» начинал шевелиться – значит, он готов к работе, уже получает задание возить копны. Никто не отдыхал, все при деле. Работали на холоде и босиком. Одежды мало, а обуви вообще не было. Откуда здоровье. Всё там осталось. И как только выжили. Поедем скирдовать, садимся на быка, а ноги под себя, греем. Приедем на место, пока его меняем, все околеем. От этого и сейчас чахлые».

Бочкарёва Мария Львовна:

«Меня посадили на лошадь, вот час, два работаю, замерзла холодно, упала. Взрослые нашли, подняли, отогрели и опять работать. Некогда было жалеть друг друга. Если раньше придёшь на работу, да ещё выше нормы дашь, так это плохо, лишние трудодни. Тоже плохо, снова недовольства. Я опоздала на 5 минут, меня сразу в сельпо, выяснять что случилось. Никаких объяснений не хотели слушать. Сразу суд и весь сказ. Я говорю, что всю ночь проработала в колхозе. «Так надо, как ты хотела» - мне отвечают.

У старшей сестры жила непродолжительное время – завхоз в сельпо Фея – так она соберёт нас весь молодняк, да на поле. Старых не брали. «Надо молотить. Поедемте!» - её слова. Собираемся и едем. Сильно уставали, и она говорила водителю трактора: «Отдыхать Вася!». И она специально что-нибудь отвернёт у трактора, чтобы дать побольше нам всем отдохнуть, мы могли даже уснуть. Через какое-то время Вася найдет, что сломано, а если не может, то Фея сама ему подскажет.

Давали норму, сколько надо обработать сельхозугодий. Пока не выполнишь, никуда не пойдешь».

Попова Анна Львовна:

«Заставляли косить вручную. Мы с подружкой Хабаровой Аксинкой возьмёмся за деда, да за полдня по гектару выкашивали. Помню сели отдыхать, поесть. Приехал смотритель и давай кричать: «Что сидите, не работаете. Ну, давайте поднимайтесь». А мы ему: «Ты замерь, сколько мы скосили, норма есть». Он замерит, да выругается. Снова больше нормы. Нет, чтобы похвалить, а наоборот ругают».

Бочкарёва Мария Львовна:

«Меня весной заставили боронить поле на быке, а он вредный оказался. Жара. Я его понужаю, а он не идёт. Я его бью, а он не идёт. И вообще взял, да лёг. Тогда я ему стала кусать ухо. Надо поднять. Он мотнул головой и рогом

попал мне в переносицу. Хлынула кровь. Приехала бригадирша. Едет и кричит: «Ты чего лежишь». Ругается. Подъехала, а у меня всё лицо в крови. «Ну и что, иди, помойся и дальше борони» - весь её сказ. Мыла лицо в речке. Гнали нас на убой, не считались с нами. Как только выжили. Пока норму не выполнишь, никуда не уйдешь».

Попова Анна Львовна:

«Я тоже боронила на корове, ноги замерзнут, даже пошевелить не можешь, не чувствуешь их. Корова, где наложит, так скорее ноги сунешь туда, чтобы немного отогреть. Немного согреешь и опять идёшь боронить. Одевать было нечего. Как выжили. Подумаешь, как не умерли ещё тогда.

Пряли по ночам, жгли маленькие щепочки, чтобы хоть немного видно было. Лампы керосиновые были, но керосин был в диковинку (его просто не было). Жили как древние люди. С каждой семьи собирали за год – одну шкуру от коровы, 70 яиц, 500 литров молока, картошку (уже не помню точно сколько)».

Бочкарёва Мария Львовна:

«Мама пряла, а я вязала. Иногда соседка приходила прясть. Отец тоже вязал – получались квадратные варежки и носки. Даже уже не вспомню, как он вязал одной иглой».

Не всегда бывало, поступали по-честному. Выживали, одним словом. Украдёшь пшеницы горсть, принесёшь её домой. Отец смастерил в подполе «меленку», два жернова один книзу, другой сверху, так немного получали муки. Старшая сестра немного работала на мельнице, иногда приходилось ей воровать пшеницу, так до дому в те разы шла через гору и кладбище. Чтобы никто не поймал. Спали на дерюжках самотканых. И одевались в неё. Дерюжка была не шерстенная, а кудельная».

Попова Анна Львовна:

«Сейчас сахара почерпнешь, сколько хочешь, а раньше, отец положит кусок сахара на лампу и говорит: «Пей чай и смотри на лампу и думай, что пьешь чай с сахаром». Сажали сахарную свеклу и грызли её. Давали по карточке 250 грамм муки. Заводили тесто, в него добавляли Марьи Коренья или хвою. Стало легче с хлебом, когда пришли похоронки на братьев, и государство выдавало за потерю кормильца по 500 грамм. Хлеб давали отцу и маме. Хлеб был очень вкусный, высокие булки, запашистый, а сейчас он пахнет водой».

Бочкарёва Мария Львовна:

«Сестра (Февронья) отсидела, и осталась здесь в городе, а мы сюда потом приехали к ней. Это был 1950 год. Жили на квартире. Тогда так многие делали. Было небольшое количество денег у старшей сестры, и мы стали ходить покупать домик. Купили маленькую избушку по улице Горно-Алтайская, в настоящее время Чорос-Гуркина.

Фото 2. 1950 год – Попова А.Л. около своего домика на улице Горно-Алтайской.

Сначала жили в избушке 8 человек (сестра (Февронья), я, Анна с мужем Иваном, Полинка с мужем Павлом, Юлька, Надя). И все как-то входили. А сейчас всё мало и мало. Была одна чашка, кострюличка и одна ложка – это всё

на всех. С этого мы начали нашу жизнь в городе. Ничего не было и толком не продавалось. Чтобы места было побольше, в домике убрали русскую печь, а сделали камелечек. На койке спали по трое. Матрасы делали сами. Не было соломы. Поинка работала в типографии и натаскала нам обрезков бумаги. Из матрасовки, сшили наматрасник и наполнили его бумагой. Ну, подушки нам выслали из деревни.

Я устроилась в школу глухонемых. Ходили в Каяс каждый день пешком, там Юлька была дояркой, а Пашка – пастух свиной и коровий. Юлька утром корову подоит и несёт в школу глухонемых два ведра - на остановку «Ткацкая». Потом ушла я в Национальную школу. Отработала три месяца, отправляли нас в колхоз на отработку 60 трудодней.

Пошли мы с сестрой (Февроньей) к Борису, он возил известку на грузовой машине. Поговорили с ним, о том, что нам бы надо заработать денег. Он предложил разгружать машины с известкой. Сгрузим её – из носа и изо рта кровь. Сгрузили, заработали денег.

Однажды он говорит, что в с. Паспаул продаётся дешёвая посуда. Мы поехали. Купили – однако, четыре тарелки, стаканы, ведро эмалированное и одно цинковое. Приехали домой радостные. У нас появилось первое богатство. До покупки брали ведро у соседки, чтобы ходить на речку за водой. Стол купили небольшой, зелёного цвета за три рубля.

На базар в 1952г., привезли посуду, утварь разную. Очередь образовалась страшная. А мы очередь заняли с вечера. Спали ночью в кювете. Купили – два тазика, ведро, чугунок алюминиевый. Потом стало всё появляться в магазине, да зарабатывать начали. Удивлялись всему. Что такое радио? Где оно?».

Февронья Львовна скончалась в 1992 году – с ней я незнаком, мои родители тогда только познакомились.

Анна Львовна скончалась 12.05.2011г.

Мария Львовна живёт по адресу проспект Коммунистический дом 158.

Моя семья свято бережёт фотографии и документы прабабушек, чтобы рассказать о них нам - правнукам. А мы будем рассказывать о них своим детям.